

СЕПАРАТИЗМ ПО-КАТАЛОНСКИ

© 2018 г. С. Хенкин

*ХЕНКИН Сергей Маркович, доктор исторических наук, профессор,
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76;
ИНИОН РАН, РФ, 117418 Москва, Нахимовский пр-т, 51/21 (sergkhenkin@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 10.01.2018.

В статье показано, что в годы глобального кризиса каталонский национализм, уходящий корнями в глубь веков, перерос в сильное и устойчивое сепаратистское движение. Однако отсутствие договоренности о проведении референдума между правящей элитой Каталонии и правительством Испании, а также поддержки большинства населения региона и международного сообщества создало серьезные препятствия для сепаратистов. Вместе с тем блок борцов за независимость достаточно силен и занимает главенствующие позиции в политической жизни Каталонии, создавая в стране обстановку перманентного политического кризиса. Урегулировать конфликт (хотя бы частично) можно только путем согласованного поиска новой формулы существования Каталонии в составе Испании.

Ключевые слова. Испания, Каталония, сепаратизм, унионизм, автономия, референдум, выборы, Национальная партия, “Сьюдаданос”¹, Испанская социалистическая рабочая партия.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-5-29-40

Националистическое движение в Каталонии, имеющее многовековую историю, чаще всего ограничивалось требованиями расширения прав региона в составе Испании. В годы глобального кризиса ситуация радикально изменилась: националистические настроения и практики трансформировались здесь в сильное сепаратистское движение. Испанские власти, опираясь на действующее законодательство, отказали правительству Каталонии в праве на проведение референдума по независимости, на котором оно настаивало. В отношениях сторон образовался правовой тупик и возник острейший политический кризис. После того как в октябре 2017 г. власти Каталонии в одностороннем порядке провозгласили независимость, Мадрид ввел прямое управление автономией, распустив ее правительство и парламент. Тем не менее сепаратисты не отступили. Конфликт, дестабилизирующий ситуацию во всем Евросоюзе, продолжает развиваться, рискуя превратиться в долговременный и трудноразрешимый.

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО СЕПАРАТИЗМА

В современной Каталонии — одной из самых развитых и богатых автономных областей Испании — проживают 7.5 млн человек, что составляет примерно 16% населения страны. Но каталаноязычный ареал значительно шире. На каталанском

языке говорят около 11 млн человек в так называемых каталаноязычных землях на территории Испании (автономные сообщества Валенсия, Балеарские острова, восточная часть Арагона), Франции (департамент Восточные Пиренеи), Андорры и Италии (г. Альгеро на острове Сардиния). Мнения большинства исследователей совпадают в том, что в каталаноязычном ареале нет коллективного национального самосознания. Следует также иметь в виду, что согласно испанской традиции, “национальность” (“нация”, “этнос”) определяется не в этнокультурных терминах, не “по крови”, а отождествляется с регионом, территорией проживания. Поэтому каталонцы для большинства испанцев — это те, кто проживают и работают в автономном сообществе Каталония.

Каталония, никогда не обладавшая собственной государственностью, тем не менее имеет богатую историю, традиции, осознание своей “особости” [1, pp. 7-23]. Так, в XII в. у Каталонии, входившей в состав королевства Арагон, были свои органы власти, суд, право распоряжаться финансами, устанавливать налоги и т.д. Ее политическое устройство было передовым для своего времени. Как противовес королевской власти, в Каталонии с XIII в. начал регулярно собираться сословно-представительный орган дворянства, духовенства и горожан (корте каталанас), который многие исследователи рассматривают как один из первых европейских парламентов. Пользуясь выгодами своего географического положения, Каталония

¹ Испанское *Ciudadanos* — “Граждане”.

вела оживленную морскую торговлю со многими европейскими и мусульманскими городами. Быстро развивалась ее экономика, имел место расцвет науки и культуры.

Однако после объединения в 1479 г. всех земель Пиренейского полуострова под властью католических королей Каталония начала утрачивать былой привилегированный статус. Между тем в состав Испании вошло общество, уже давно привыкшее пользоваться широкой автономией и гражданскими правами и ожидавшее, что такое положение сохранится. Многие каталонцы всегда требовали признания своего отличия от остальной Испании. “Мы – другие”, “Каталония – не Испания, а Испания – не Каталония” – таким было и остается мироощущение значительной части жителей региона.

К середине XVII в. недовольство каталонцев политикой Мадрида в сочетании с осознанием своей “особости” переросло в открытое проявление сепаратизма. Каталонию охватило восстание (так называемая война жнецов – 1640–1652 гг.), целью которого было отделение от Испании. Восстание было подавлено, но испанскому королю пришлось подтвердить, с некоторыми оговорками, старинные каталонские привилегии. В эти годы появилась народная песня (“Песня жнецов”), ставшая символом каталонского сопротивления и являющаяся в наши дни гимном Каталонии [1, р. 25].

После воцарения династии Бурбонов (с 1700 г.), сменивших Габсбургов, Каталония лишилась автономии. Были упразднены местные органы власти, отменены традиционные привилегии, каталанский язык начал вытесняться из общественной жизни и заменяться испанским.

Кризис феодализма, развитие капиталистических отношений вызвали к жизни каталонское возрождение – Ренашенса (*Renaixença*), в ходе которого начали восстанавливаться каталанский язык, литература, театр, музыкальное творчество, архитектура. Зарождается так называемый каталонизм, направленный на утверждение каталонской самобытности, особого “национального духа”. По словам испанского автора Х.Х. Лопеса Бурниоля, “структура... духовной жизни стала полицентричной: Мадрид и Барселона превратились в автономные культурные центры” [2, р. 76]. Идеологи каталонизма критиковали центр за неэффективную управленческую политику, пренебрежение к нуждам периферии, “о которой вспоминают, лишь требуя налоги и прося солдат”. Централизму и единообразию, насаждавшимся сверху, они противопоставляли испанское государство, построенное на принципах федерализма, в котором уважалось бы своеобразие Каталонии, уходящее

корнями в Средневековье [3, р. 112, 157]. Усилению влияния каталонизма способствовали быстрая индустриализация и модернизация каталонского общества во второй половине XIX в., углубившие разрыв между Каталонией и многими более отстающими регионами Испании.

Каталонизм стал фундаментом для формирования каталонского национализма – идейно разнородного течения, в котором присутствовала, но не доминировала сепаратистская составляющая. В лексиконе националистов преобладали понятия “регионализм”, “автономия”, “федерация”. Исключением стал период II Республики (1931–1939 гг.) – время глубоких перемен, когда каталонские националисты попытались создать собственное государство. 14 апреля 1931 г. они провозгласили образование “Каталонской республики как составной части Иберийской Федерации” [4, р. 164]. Республиканские власти, однако, пресекли сепаратистские поползновения каталонской элиты. Вместе с тем в сентябре 1932 г. испанские Учредительные кортесы приняли закон об автономном статуте Каталонии, в соответствии с которым был избран ее парламент и сформировано правительство [1, р. 141].

Франкистская диктатура (1939–1975 гг.), взявшая курс на унификацию общественной жизни, упразднила автономию региона. Каталанский язык был запрещен в общественной сфере, любые проявления каталонизма преследовались (массовые казни, увольнения с работы, депортации из региона). В 60–70-х годах франкизм пошел на ограниченные уступки региону в плане культурно-языковой политики, которые привели к формированию структур гражданского общества и протестным выступлениям с требованиями демократизации политического режима и защиты национальных интересов Каталонии.

РЕСУРСЫ СЕПАРАТИЗМА

В ходе перехода от франкизма к представительной демократии и формирования в Испании государства автономий Каталонии был предоставлен значительный объем прав и полномочий. В соответствии с конституцией 1978 г. и автономным статутом 1979 г. Каталония имеет свой парламент и правительство (женералитат), полицию, радио, телевидение. Каталанский язык признается официальным наравне с испанским. Каталония впервые стала определяться как “национальность” [5, с. 66].

Права, обретенные регионом, не удовлетворив местных националистов, лишь стимулировали их

активность. Большую роль в пропаганде националистических идей сыграла партийная федерация Конвергенция и Союз (КиС), с 1980 по 2003 г. формировавшая женеалитат, а затем после не очень долгого пребывания в оппозиции вновь вернувшаяся во власть (2010 г). Ее лидер Жорди Пужоль, в течение 23 лет возглавлявший правительства КиС и считающийся отцом современного каталонского национализма, взял курс на “рекаталонизацию Каталонии”, конструирование обособленной от испанской каталонской идентичности. Под этим подразумевалось внедрение националистических идей в местное общество путем захвата националистами ключевых позиций в СМИ и образовании, а также навязывание своих взглядов и правил игры.

Неотъемлемый аспект пропагандистской деятельности националистов состоит в дальнейшем развитии традиционного мифотворчества, искусственном конструировании представлений о Каталонии как “древнейшей нации”, которая стала жертвой несправедливых притеснений со стороны Испании и живет “в условиях военной оккупации, культурно-лингвистической колонизации и т.д., длящихся уже 300 лет”² [6, р. 91). Синдром “избранной нации, превратившейся в невинную жертву”, стал краеугольным камнем националистической мифологии.

Огромное значение в инструментарии националистов отводится каталанскому языку. В нем они видят важнейшее средство формирования “каталонской нации” и сплочения ее под своей эгидой. Со второй половины 80-х годов XX столетия в систему образования Каталонии внедрялась модель “языкового погружения” (*inmersion lingüística*), ориентированная на последовательное вытеснение испанского языка и превращения региона в монолингвистический. Примечательно, что в ряду европейских регионов, где есть два (или больше) официальных языка, Каталония многие годы была единственным, где практиковалась подобная модель [7, р. 221].

В целом политика “рекаталонизации” отличалась изобретательностью. Ж. Пужоль и его команда вели двойную игру, сотрудничая с центральной

властью (фракция КиС была представлена в Генеральных кортесах и порой даже обеспечивала работу правительств, не имевших большинства) и одновременно укрепляя позиции националистов в самой Каталонии. По замечанию испанского автора Х. Легины, каталонские националисты практиковали двойной язык – один для Мадрида, другой для Барселоны и двойную мораль – умеренные в Мадриде, радикальные в Барселоне [6, р. 126].

“Пренебрежительное отношение к Испании – часть каталонской традиции”, – отмечает политолог А. Элорса [8]. Уместно заметить, что и в испанском общественном мнении весьма заметно предубеждение к Каталонии, сочетающееся с представлением, что “каталонцы – другие”. По оценке уже цитировавшегося Х.Х. Лопеса Бурниоля, существовавшие со времен промышленной революции XIX в. “сдержанное восхищение и скрытая зависть” по отношению к ним теперь сменились раздражением, вызванным их постоянными требованиями признать “свою особость” [2, р. 160].

Позиции националистов усилились в ходе борьбы вокруг нового автономного статута Каталонии, развернувшейся в 2005–2006 г. Он был одобрен в 2008 г. и расширил права автономии. Однако семь субъектов права, в частности Народная партия (НА), сочли, что целый ряд положений нового статута противоречат Конституции Испании и оспорили их в Конституционном суде. Последний в июне 2010 г. вынес вердикт, признававший высокую степень самоуправления и расширявший права автономии по сравнению со статутом 1979 г. Вместе с тем 14 статей статута были отнесены к числу полностью или частично неконституционных. Так, судей не устроила статья, согласно которой жители автономии именуется каталонцами, а не испанцами. Неприятие вызвала и статья, наделявшая каталанский язык более высоким статутом, нежели общегосударственный испанский.

Принципиальное значение имела констатация, что не существует юридических оснований считать жителей Каталонии отдельной нацией. Вокруг этой статьи развернулась наиболее острая дискуссия. Дело в том, что националисты традиционно, еще с XIX в., требуют признать Каталонию нацией. Но эта позиция противоречит Конституции, предусматривающей существование на территории Испании лишь одной нации – испанской. Превращение Испании из “нации национальностей”, какой она является сейчас, в “нацию наций”, по мнению многих экспертов, чревато подрывом устоев государства и его распадом. Вместе с тем есть и точка зрения, согласно

² Выступая в марте 2017 г. в Гарвардском университете, тогдашний председатель автономного правительства Каталонии К. Пучдемон охарактеризовал Испанию как отсталую, неэффективную, прибегающую к насилию страну, которая “душит политические, экономические и социальные устремления каталонцев”. Puigdemont describe en Harvard a España como un país atrasado y coercitivo. *El País*, 28.03.2017. Available at: http://elpais.com/ccaa/2017/03/27/catalunya/1490632259_022793.html?rel=mas (accessed 05.04.2017).

которой для части каталонцев “способ быть испанцами просто-напросто означает быть стопроцентными каталонцами”. Их позиция выражается словами “свободная Каталония в большой Испании” [9]. Своеобразный “каталонский случай” не укладывается в рамки общепринятых правовых норм. Как бы там ни было, Конституционный суд оставил определение Каталонии как нации только в преамбуле документа, не имеющей юридической силы. Многие каталонцы расценили этот вердикт как оскорбительный, попирающий национальное достоинство.

Масла в огонь подлил глобальный кризис, больно ударивший по Каталонии, так же, как и по всей Испании. Правоконсервативная Конвергенция и Союз осуществляла политику жесткой экономики, сопровождавшуюся резким ограничением социальных выплат. Столкнувшись при этом с массовым недовольством населения, команда главы генералитета Артура Маса решила “выпустить пар”, обвинив в бедах Каталонии центральную власть в лице также проводившего политику жесткой экономики правительства НП и связав решение проблем автономии с ее отделением от Испании. Под влиянием националистической пропаганды с 2009 г. в десятках маленьких городков и местечек Каталонии проходили референдумы, участники которых голосовали за отделение от Испании. Эти референдумы не имели юридической силы, но серьезно влияли на общественные настроения. Невиданным прежде проявлением протестной активности стала манифестация 11 сентября 2012 г., в Национальный день Каталонии в Барселоне, проходившая под лозунгом “Каталония – новое государство в Европе”. По разным оценкам, в ней участвовали от 600 тыс. до 2 млн человек [7, pp. 46-47].

Националистические СМИ усердно раздувают среди населения представление, что Каталония “кормит” Испанию, ежегодно вкладывая в госбюджет на 16 млрд евро больше, чем получает из него. Финансово-экономическая политика Мадрида в отношении Барселоны определяется как “налоговый грабёж” (“Мадрид грабит нас”) – выражение, обычно употребляемое при характеристике отношений между метрополиями и колониями. Между тем подсчеты многих испанских экономистов свидетельствуют, что для подобных выводов нет оснований. Каталония отчисляет в казну налоговые суммы, соответствующие уровню ее экономического развития в сравнении с другими регионами Испании (из расчета на душу населения). Что же касается уровня ее финансирования, то он ненамного

ниже среднеиспанского. Сравнение системы регионального финансирования Испании с существующими в Великобритании, США, Австралии, Канаде также не позволяет утверждать о недостаточном финансировании Каталонии. Вместе с тем признается, что система финансовых отношений между центром и регионами в Испании нуждается в реформировании из-за непрозрачности, случаев самоуправства со стороны властей и других проблем [7, pp. 147-168]³.

На состоявшейся в сентябре 2012 г. встрече А. Маса с председателем правительства Испании Мариано Рахоем последний отклонил требование предоставить Каталонии полный контроль над собираемыми налогами и создать здесь независимое министерство финансов. В ответ А. Мас заявил о намерении отделиться от Испании и вступить прямо в ЕС. Неожиданно для многих умеренный националист А. Мас превратился в борца за независимость.

Каталонский национализм перерос в сепаратизм, во многом ставший порождением системного кризиса – политического, институционального, экономического, социального, морального, которым было охвачено испанское общество. Властвующая элита Каталонии канализировала социальную фрустрацию, вызванную системным кризисом, равно как и недовольство многих каталонцев и их обиду на Мадрид за новый автономный статут, в русло борьбы за независимость региона от Испании. Каталонский конфликт превратился в составную часть глобального “кризиса по-испански”, расширив и углубив его масштабы и совпав с другим мощным протестным движением, которое материализовалось в Движении возмущенных и появлении партии “Подemos”⁴ [10, сс. 71-74]. Не подлежит сомнению, что леворадикальные антисистемные силы в рядах “Подemos” внесли свою лепту в развитие каталонского сепаратизма.

³ Одна из существующих проблем – схема финансовых отношений с Центром Страны Басков и Наварры (так называемые *conciertos economicos*), исторически сложившаяся и законодательно закреплённая в 1876 г., согласно которой большая часть собираемых налогов остается в ведении местных властей. Однако перенесение в Каталонию данной схемы, на чем настаивают многие националисты, нереалистично. Вклад в национальный бюджет налоговых поступлений Каталонии, значительно превосходящей по численности населения Страну Басков и Наварру, намного больше вклада последних. Изъятие из бюджета каталонской части чревато подрывом экономики Испании: у Центра просто нет средств, чтобы компенсировать потери от предоставления Каталонии финансовой самостоятельности.

⁴ Испанское *Podemos* – “Мы можем!”

В январе 2013 г. парламент Каталонии принял декларацию о суверенитете, в которой заявлялось о намерении провести референдум о создании независимого государства. Требуя от правительства М. Рахоя согласия на его проведение, сепаратисты вступили в острый конфликт с ним, поскольку по Конституции автономии не могут проводить референдум без согласия испанских властей и разрешительного общенационального референдума. Правительство Народной партии неизменно занимало жесткую позицию, требуя следовать положениям Конституции и отказываясь обсуждать какие-либо ее изменения. Не благоприятствовали планам борцов за независимость и существующие международные нормы, в соответствии с которыми Каталония не входит в категорию “наций, имеющих право на самоопределение”.

Стремясь обойти эти препятствия, лидеры сепаратистов широко использовали новое словосочетание “право решать” (“*derecho a decidir*”), по смыслу означавшее то же самое, что и уязвимое для них “право наций на самоопределение”. По их утверждениям, “право решать” принадлежит народу Каталонии в лице избранных им представителей, и именно последние в случае конфликта с центром должны определять будущее региона⁵.

Отстаивая свои права, каталонские сепаратисты ссылаются на опыт Шотландии, руководство которой достигло договоренности с правительством Великобритании о проведении референдума по независимости. Между тем, в отличие от Шотландии, которая до вхождения в 1707 г. в состав Великобритании была независимым государством, Каталония исторически не обладала ни независимостью, ни собственной государственностью. Существенно и то, что неписаная конституция Великобритании позволяет мятежным регионам с разрешения парламента страны проводить референдумы такого рода.

⁵ В ответ на запрет испанских властей на проведение референдума руководство Каталонии 9 ноября 2014 г. провело альтернативный опрос, не имевший юридической силы. Респондентам предлагалось ответить на два вопроса: “Хотите ли Вы, чтобы Каталония стала государством” и “Если да, то хотите ли Вы, чтобы это государство было независимым?”. В голосовании приняли участие 2.3 млн человек (из 5.4 млн избирателей Каталонии). 80.7% (около 1.6 млн человек) ответили “да” на оба вопроса. См.: *Generalidad de Catalunya. Resultados globales*. Available at: <https://yandex.ru/search/?text=Generalidad%20de%20Catalu%C3%B1a.%20%C2%ABResultados%20globales%C2%BB.%20Consultado%20el%2011%20de%20noviembre%20de%202014.&clid=226-1463&lr=213> (accessed 15.10.2017). Безусловно, состоявшийся опрос не выявил подлинную расстановку сил в Каталонии на массовом уровне. Подавляющее большинство унионистов не пришли на него. Вместе с тем результаты голосования засвидетельствовали, что у сторонников независимости есть значительный потенциал.

РАСКОЛОТАЯ КАТАЛОНСКАЯ ПОЛИТИЯ

На парламентских выборах 2012, а затем и 2015 г. партии, выступающие с сепаратистских позиций, завоевывали абсолютное большинство мест и формировали правительство автономии. Так, на выборах 2015 г. им достались 72 места из 135. Два победителя предыдущих выборов – Демократическая конвергенция Каталонии⁶ и Левые республиканцы Каталонии выступили в составе коалиции *Junts pel Si* (“Вместе за Да”) и получили 62 депутатских мандата. Еще 10 мандатов добавила в “копилку” сепаратистов леворадикальная и антиглобалистская партия Кандидатура народного единства (*Candidatura de Unidad Popular – CUP*). Иначе обстояло дело с числом полученных голосов. Коалиция “Вместе за Да” собрала 39.6%, Кандидатура Народного единства – 8.2%, что вместе составляло 47.8% голосов и не достигало до абсолютного большинства. Иными словами, большинство избирателей – 51.3% высказались против сецессии, за сохранение многовековых связей с Испанией. Однако по совокупности депутатских мандатов (63) унионистские партии и коалиции (“Сьюдаданос”, Социалистическая партия Каталония, Народная партия и коалиция “Каталония, да, это возможно”, в которую входила партия “Подemos”) уступали сепаратистам. К тому же в идейно-политическом плане между этими партиями существовали серьезные разногласия, что затрудняло создание альтернативного блока.

Каталонское общество так же, как и парламент, плюралистично в идейно-политическом отношении. Наглядное представление о предпочтениях жителей региона дает их самоидентификация по пяти позициям: “каталонцы”, “в большей степени каталонцы, чем испанцы”, “в такой же степени каталонцы, как и испанцы”, “в большей мере испанцы, нежели каталонцы”, “испанцы”. Во всех опросах, проводившихся с конца 1970-х по 2011 г., “каталонцами” называли себя менее 20% респондентов [7, р. 32]. Эта доля возросла только в 2011 и особенно в 2012 г. (35 и 42% соответственно). Позже она перестала увеличиваться и пошла на спад [11]. Большинство же жителей региона считало и продолжает считать себя в разных пропорциях и каталонцами, и испанцами⁷.

⁶ В июне 2015 г. существовавшая с 1978 г. Конвергенция и Союз – федерация двух партий, включавшая Демократическую конвергенцию Каталонии и Демократический союз Каталонии, была распущена.

⁷ Двойственная самоидентификация проявляется в феномене так называемого дуалистического голосования – важной характеристике современного каталонского электората. На автономных выборах большинство населения отдают голоса националистическим партиям, отстаивающим интересы региона, а на общенациональных, напротив, партиям общегосударственным, способным формировать правительство и определять политический курс Испании.

Опросы 2012–2017 гг. выявляли колебания в соотношении сил между сторонниками и противниками независимости Каталонии. При этом небольшой перевес постоянно наблюдался у сторонников единой Испании. Однако, вопреки фактам, пропаганда сепаратистов создавала иллюзорное представление, что “каталонцы в целом хотят независимости”. Молчание сторонников единой Испании, голос которых зачастую был слышен только при опросах общественного мнения, объясняется тем, что националисты, формировавшие с 80-х годов минувшего века женералитат, монополизировали многие сферы жизни региона, в частности общественный дискурс. Ненационалистические силы не смогли противодействовать их натиску и представить каталонскому обществу такой же связной и кажущейся многим весьма убедительной интерпретации реальности. В итоге унионисты противостояли агрессивным, говорливым, хорошо организованным и финансируемым националистам, которым с помощью дискриминационных практик удалось посеять чувство страха у многих ненационалистов.

Каталонское общество расколото по проблеме независимости, и этот раскол проходит через трудовые коллективы, семьи, компании друзей. По данным социологов, к отделению в большей степени тяготеют обеспеченные слои населения, сельские жители, переселенцы из других регионов Испании, а также те, для кого каталанский является родным языком [12, pp. 22-25].

В то же время примечательно, что и сторонников, и часть противников сецессии объединяет критическое отношение к правительству Народной партии, которое они обвиняют в бездействии, неуважении к каталонцам и отсутствии конкретных предложений по решению каталонской проблемы. Обращается внимание на то, что позиция Мадрида в последние годы превратила немало сторонников единой Испании в “обиженных националистов”.

ЦЕНА СЕЦЕССИИ

Требую независимости Каталонии, сепаратисты принимают во внимание ее экономический потенциал. На долю автономии приходится 19% ВВП Испании, 24% ее промышленной продукции, 28% экспорта [13]. Пропаганда сепаратистов изображает отделение от Испании как панацею, которая, избавив регион от “налогового грабежа”, за короткий срок позволит повысить уровень жизни миллионов людей и превратит Каталонию в “Нидерланды на юге Европы”.

Если гипотетически рассматривать сецессию как свершившийся факт, то нет сомнений в том, что Каталония, не уступающая по населению Швейцарии, по территории близкая Бельгии и имеющая ВВП примерно равный норвежскому, сумеет выжить в одиночку [14]. Каталония – один из четырех общепризнанных локомотивов Европы – наряду с Ломбардией в Италии, регионом Баден-Вюртемберг в Германии и регионом Рона-Альпы во Франции. И тем не менее сецессия повлечет за собой серьезные негативные последствия: цена разрыва с Испанией будет высокой, а преимущества весьма неопределенными. Прежде всего Каталония окажется вне ЕС и зоны евро. Согласно законодательным установкам ЕС, любая территория, которая выходит из государства – члена Европейского союза, автоматически исключается из последнего. Каталония лишится доступа к кредитам Европейского центрального банка, окажется вне Шенгенской зоны, гарантирующей живущим здесь гражданам свободу передвижения. Разумеется, можно возразить, что ЕС – вовсе не панацея. Есть высокоразвитые и вполне благополучные европейские страны, существующие вне Евросоюза (Швейцария, Норвегия), а Великобритания стоит на грани выхода из него.

Однако в случае с Каталонией экономисты предсказывают отток капиталов, снижение доходов от туризма – одного из ключевых секторов экономики, развитие инфраструктуры которого “завязано” на Испанию, рост безработицы. Будут введены пошлины на ввоз каталонских товаров в Испанию и другие страны ЕС, что заметно снизит их конкурентоспособность. ВВП Каталонии сократится примерно на 20%, ее привлекательность для иностранного капитала снизится [14]. Кроме того, обретение независимости предполагает огромные расходы, связанные с созданием новых государственных структур (сферы безопасности, обороны, иностранных дел и др.), системы пенсионного обеспечения, социальными выплатами (безработные, малоимущие) и т.д. Справятся ли с этим адепты независимости? Следует также отметить, что, отделившись, Каталония окажется вне всех крупных международных организаций – не только ЕС, но и ВТО, ООН, НАТО. Примечательно, что руководители сепаратистских партий, призывая “к светлому будущему без Испании”, либо не объясняют, либо дают общие и неконкретные ответы на вопросы, как будут решены в новом государстве многие проблемы.

Цена отделения Каталонии оказалась бы высокой и для Испании. С уходом этого богатого региона страна лишится части экономической мощи,

бюджет ее будет подорван. Испания потеряет позиции четвертой экономики в ЕС.

Отсоединение Каталонии стало бы вызовом также для Евросоюза, в арсенале которого нет механизма реагирования на распад государств-членов. Правовые нормы ЕС, не предусматривающие вступление в него отдельных регионов, отсоединившихся от стран-членов, вместе с тем не запрещают такое вступление: вопрос в правовом отношении не решен. Вместе с тем очевидно, что возвращение Каталонии в ЕС не будет ни автоматическим, ни скорым.

МЕТАМОРФОЗЫ КАТАЛОНСКОГО КОНФЛИКТА

Каталонский конфликт вступил в новую фазу в июне 2017 г., когда глава женеералитата Карлес Пучдемон⁸ заявил о том, что 1 октября будет проведен референдум о независимости. Стремясь придать легитимность процедуре референдума и своим возможным последующим действиям, каталонский парламент одобрил 6 и 7 сентября два закона. Первый – закон о референдуме – определял условия его проведения. Участники должны были ответить на вопрос: “Желаете ли вы, чтобы Каталония стала независимым государством с республиканской формой правления?” Согласно закону, независимость Каталонии провозглашается в том случае, если голосов, поданных “за”, будет больше, чем голосов “против”. Минимальный уровень участия в референдуме не устанавливался.

В случае победы сторонников “да” в силу вступал второй из принятых парламентом законов – “закон временного юридического характера об учреждении республики” (его называют также “законом о разрыве”). Согласно ему, Каталония становится “правовой, демократической и социальной республикой”, в которой уважается европейское и международное право. В ведение Каталонии переходят чиновничий аппарат и имущество Испании, находящиеся на территории последней, и т.д. В дальнейшем предполагалось проведение выборов для формирования парламента с целью принятия новой конституции, которая должна быть одобрена на референдуме [15].

Для сепаратистов принятие законов ознаменовало создание новой, параллельной легальности, разрывавшей с легальностью испанского государства. Закон об учреждении каталонской республики был квалифицирован как “высшая норма”, по существу заменявшая Конституцию Испании

⁸ К. Пучдемон, мэр каталонской провинции Жирона, стал главой женеералитата в январе 2016 г., сменив ушедшего в отставку А. Маса.

1978 г. и автономный статут Каталонии. Своеобразие ситуации состояло в том, что сепаратисты действовали в рамках существующей легальности и использовали ее, одновременно подрывая.

Мадрид квалифицировал принятие обоих законов как “государственный переворот”, приостановив их действие. Король Филипп VI, все основные государственные институты Испании встали на защиту правового государства и существующей Конституции. Мадрид обязал власти автономии отчитываться о проделанных расходах, чтобы исключить использование финансовых средств на проведение референдума. Были задержаны 14 высокопоставленных чиновников каталонских властных структур, открыты около 700 уголовных дел в отношении мэров каталонских городов, распущена избирательная комиссия, опечатаны ряд избирательных участков. Решающую роль в борьбе за недопущение референдума играли суд, прокуратура и полицейские формирования. Правительство ограничивалось поддержкой запретительных мер, не предложив обществу внятной программы действий. В результате многие люди, толком не понимая, что происходит, насколько это серьезно и что может быть дальше, испытывали чувства неуверенности и тревоги.

Жесткая позиция Мадрида, задержания и обыски вызвали массовые протесты сторонников независимости и столкновения с силами правопорядка. К. Пучдемон обвинил государство в “превращении в репрессивный режим”. По Каталонии прокатилась волна митингов и манифестаций в защиту референдума, его противники подвергались оскорблениям и угрозам.

Референдум проводился без демократических гарантий. Контроля над голосованием не осуществлялось. Многие каталонцы участвовали в нем без предъявления документа, удостоверяющего личность, и могли проголосовать сколько угодно раз. Голосовать можно было бюллетенями, размещенными в Интернете. На избирательных участках выстраивались длинные очереди. Во многих местах патрули гражданской гвардии и национальной полиции, оттесняя людей от урн, применяли дубинки, резиновые пули и слезоточивый газ. Порой в ответ в них летели камни⁹. По ряду сообщений,

⁹ Иначе вели себя патрули каталонской полиции (*Mossos d'Escuadra*), автономной от национальной, не препятствовавшие открытию избирательных участков, а порой и защищавшие участников голосования от других полицейских формирований. Каталонская полиция была подвергнута властями резкой критике как обманувшая доверие и поставившая политические интересы выше профессиональных задач. Против руководителя местных полицейских было начато судебное расследование.

в ходе столкновений 893 участника референдума и 30 полицейских обратились за медицинской помощью. Жесткие акции силовиков потрясли и возмутили многих людей в Испании и за рубежом, напомнив о, казалось бы, давно ушедших в прошлое трагических событиях истории страны. Действия испанских правоохранительных органов принесли дополнительные аргументы генералитату, традиционно представляющему свой регион “жертвой угнетения и произвола со стороны Мадрида”. Правительство Каталонии расценило итоги референдума как политическую и моральную победу. По данным генералитата, за независимость высказались 90.2%, против — 7.8%. Однако эти результаты не выявляют истинного соотношения сил, поскольку в голосовании участвовали всего 43% избирателей — 2 млн из 5.3 млн имеющих право голоса [16].

К тому же сепаратистский блок потерпел ряд локальных, но чувствительных поражений. Во-первых, его не поддержала значительная часть крупного и среднего бизнеса. К концу октября 2017 г. около 2 тыс. предприятий и несколько крупных банков сменили юридические адреса. Во-вторых, выяснилось, что сепаратисты вовсе не владеют улицей. В октябре 2017 г. в Барселоне прошли две мощные многотысячные демонстрации унионистов (одна из них под лозунгом “Хватит, восстановим здравый смысл”). В-третьих, не оправдались надежды сепаратистов на поддержку и посредничество Евросоюза, представители которого солидаризировались с правительством М. Рахоя, высказавшись за территориальную целостность Испании.

Реакцией правительства Испании на происходящее стало обращение к ст. 155 Конституции. Согласно ей, в случае, если автономия не выполняет обязательства, налагаемые на нее Основным законом, правительство, предварительно известив главу автономии, может с согласия абсолютного большинства сената принять меры к тому, чтобы заставить эту автономию выполнять указанные обязательства в принудительном порядке [17, сс. 88-89].

В сложившейся обстановке К. Пучдемон оказался перед дилеммой: провозгласить независимость в одностороннем порядке или объявить в Каталонии досрочные выборы, на чем настаивали сторонники компромиссного решения проблемы. После колебаний глава генералитата заявил, что выборов не будет. Ответственность за принятие решения о независимости Каталонии он возложил на парламент.

27 октября парламент Каталонии проголосовал за резолюцию о независимости региона от Испании. Каталония была провозглашена независимой суверенной республикой. Голосование проходило тайно. За принятие резолюции высказались 70 депутатов, против 10, двое воздержались. Голосование бойкотировали оппозиционные депутаты НП, Социалистической партии Каталонии и “Сьюдаданос” [18]. Победа сепаратистов выглядела не яркой и блестящей, а тусклой и невыразительной.

Примерно час спустя сенат, в котором абсолютное большинство имеет правящая Народная партия, одобрил введение в действие ст. 155 Конституции Испании в отношении Каталонии. На экстренном заседании правительства М. Рахой, в соответствии с этой статьей, заявил об отстранении от должности членов правительства и парламента Каталонии и проведении новых выборов 21 декабря 2017 г. Через несколько дней началась процедура привлечения К. Пучдемона и других руководителей сепаратистского блока к уголовной ответственности по обвинению в мятеже и других правонарушениях, предусматривавшая в качестве наказания до 30 лет тюремного заключения.

АНОМАЛЬНЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2017 г.

После активации 155 статьи сепаратистский лагерь оказался в сложной ситуации. Восемь бывших министров, включая вице-премьера автономии Ориола Жункераса, были помещены под арест (предварительное заключение). В декабре шесть из них были освобождены под залог — за исключением О. Жункераса и министра внутренних дел Жоакина Форна. К. Пучдемон вместе с четырьмя экс-министрами перебрались в Брюссель, скрываясь от испанского правосудия.

Все основные партии сепаратистского лагеря приняли решение участвовать в выборах. При этом выборы объявлялись “незаконными”: участие в них объяснялось стремлением набрать большинство голосов, доказать свое законное право на отделение от Испании и потребовать прощения для заключенных в тюрьмы руководителей. Избирательная кампания была аномальной. К. Пучдемон, находясь в Брюсселе, общался со своими сторонниками посредством твиттера и видеоконференций. О. Жункерас из тюрьмы писал письма соратникам и отвечал на вопросы интервьюеров.

Надежды части общественности на то, что 155 статья несколько разрядит напряженность в Каталонии, не оправдались. Как и прежде, стороны проявляли полную неспособность слышать

и понимать друг друга. Власти называли сепаратистов мятежниками, а борцы за независимость сравнивали их с франкистами. Эксперты проводили аналогии между политико-психологической обстановкой в Каталонии и той, что была в свое время в Ольстере, за тем исключением, что здесь все происходит в мирных формах, нет взрывов, выстрелов и убийств.

Явка на выборах 21 декабря была рекордно высокой – 81.9% избирателей (в 2015 г. – 77.4%, что тогда тоже было рекордом). Их результаты опровергли подавляющее большинство данных ранее проводившихся опросов, согласно которым сепаратисты не наберут абсолютного большинства депутатских мандатов и сложится патовая ситуация, чреватая новыми выборами. Объединения, выступающие с сепаратистских позиций – “Вместе за Каталонию” К. Пучдемона¹⁰, Левые республиканцы Каталонии О. Жункераса (в отличие от прошлых выборов, они выступали раздельно), а также Кандидатура народного единства, в совокупности завоевали 70 депутатских мандатов, то есть абсолютное большинство (после выборов 2015 г. у них было 72 места) [19]. При этом произошла еще одна неожиданность: коалиция К. Пучдемона (34 места, 941 тыс. (21.8%) голосов) опередила партию О. Жункераса (32 места, 929 тыс. (21.5%) голосов), которая, согласно большинству опросов, должна была стать первой в лагере сепаратистов. Главный аргумент К. Пучдемона – “законно избранный президент должен вернуться” возымел свое действие на избирателей.

Вместе с тем выборы в очередной раз засвидетельствовали, что в Каталонии нет социального большинства, стремящегося к независимости. За сепаратистские партии проголосовали 47.5% избирателей, на 0.3% меньше, чем в 2015 г. При всем этом введение прямого управления из Мадрида не дало сторонникам единой Испании результата, на который они рассчитывали. Способность борцов за независимость к сопротивлению и продолжению борьбы оказалась выше, чем ожидали многие. Ни ухудшение социально-экономической ситуации в Каталонии, ни отсутствие поддержки со стороны ЕС не привели к оттоку избирателей от сепаратистских партий. Жесткие действия испанских правоохранительных органов во время референдума, а затем введение ст. 155 Конституции и аресты ряда руководителей движения за независимость вызвали неприятие значительной части каталонцев. Оценивая происходящее как посприание

их гражданских прав и человеческого достоинства, они поддержали сепаратизм.

В то же время выборы подтвердили, что есть “две Каталонии”, которые должны сосуществовать. Хотя сепаратистские партии завоевали абсолютное большинство депутатских мест, победителем стала партия “Сьюдаданос”, твердо выступающая против независимости и при этом имеющая каталонские корни (37 депутатских мест, 1.1 млн (25.5%) голосов). Ее успех имеет историческое значение: впервые за годы демократии победу на региональных выборах в Каталонии одержала не националистическая партия. Но в совокупности унионисты оказались меньшинством в парламенте. Победа “Сьюдаданос” сопровождалась переходом к ней части голосов других унионистских партий – Народной партии и Каталонской социалистической партии. Особенно весомым был прирост голосов от бывших избирателей НП, составивший, по некоторым оценкам, до 45%. НП потерпела тяжелое поражение. Представительство партии в парламенте сократилось с 11 до четырех депутатов, а электорат по сравнению с выборами 2015 г. уменьшился вдвое, составив 184 тыс. (4.3%) голосов. Создалась своеобразная ситуация: правящая в Испании партия, активировавшая 155 статью Основного закона для ослабления сепаратизма и урегулирования конфликта, оказалась в Каталонии в положении маргинальной силы, не способной сформировать собственную депутатскую фракцию. Образ давно непопулярной в регионе НП теперь ассоциируется со ст. 155.

В начале января 2018 г., когда эта статья сдавалась в печать, вопрос о ближайших политических перспективах Каталонии оставался неясным. Понятным было только то, что образование правительства, состоящего из представителей унионистских партий, нереально. Несмотря на победу “Сьюдаданос”, набранные этими партиями депутатские мандаты (57) не дотягивали до абсолютного большинства. Однако было неясно, удастся ли сепаратистским партиям сформировать правительство, поскольку восемь депутатов, голоса которых необходимы для обретения абсолютного большинства, находились либо в тюрьме, либо “в бегах”. Неопределенным виделось политическое будущее К. Пучдемона: в случае возвращения в Испанию ему грозил арест. Неясным был также вопрос о том, кто возглавит такую стратегически важную структуру, как президиум парламента Каталонии. “Сьюдаданос” заявляли о своих претензиях на этот пост, сталкиваясь с мощным противодействием сепаратистов. Существовавшие трудности с формированием высших органов власти не

¹⁰ Эта коалиция была создана К. Пучдемоном незадолго до выборов.

исключали возможность еще одних парламентских выборов.

Все сепаратистские партии выступали за отмену ст. 155 Конституции и освобождение заключенных. Но какой будет политическая линия в новых условиях и, в частности, станет ли магистральной идея двусторонних переговоров с правительством, к которой в последнее время склонялись лидеры сепаратистов, или они вернутся к идее одностороннего провозглашения независимости? Здесь существовали разные точки зрения.

ПРОБЛЕМА КАТАЛОНИИ – ЭТО ПРОБЛЕМА ИСПАНИИ

Опыт Каталонии свидетельствует о крайней сложности, если не невозможности для части государства отделиться от него путем референдума без договоренности правящей региональной элиты с центральным правительством о проведении голосования, без поддержки большинства населения этой территории и без признания международного сообщества. И то, и другое, и третье у каталонских сепаратистов отсутствует. Вместе с тем они достаточно сильны, способны обладать парламентским большинством и возглавлять женеералитат, конфронтируя с Центром.

Разрешить или смягчить каталонский кризис только запретительными и репрессивными мерами невозможно. Продолжение политики запретов и отказа от переговоров со сторонниками независимости чреваты тем, что каталонский конфликт в острой фазе приобретет хронический характер и будет восприниматься как не имеющий решения. Результатом может стать нарастание напряженности, рост отчуждения и эмоциональной неприязни между Каталонией и остальной Испанией, обострение ситуации в целом в ЕС. Запреты, даже юридически обоснованные, без конструктивных и реалистических предложений и решений только укрепляют позиции сепаратизма, позволяя представлять центр в роли “душителя демократических свобод”. Неурегулированный каталонский конфликт стимулирует сепаратистские устремления в других испанских и европейских регионах.

В этом свете важное значение имеет большее признание особенностей Каталонии как в финансово-экономическом, так и в политико-культурном плане, что неотделимо от реформирования испанского законодательства, прежде всего Конституции 1978 г. Между тем широкое межпартийное и общественное согласие, необходимое

для решения этой сложной проблемы, отсутствует. Вокруг возможных перемен в территориальном устройстве страны разворачивается острая дискуссия, сталкиваются разные, нередко противоположные мнения. Пример: реформирование территориальной организации Испании в духе федерализации. В ряду сторонников этой меры ИСРП – ведущая оппозиционная партия. Однако ряд экспертов относятся к идее федерализации скептически, поскольку модель государства автономий и так имеет ряд элементов федерализма. По их мнению, предложение перейти к федеральной модели – скорее риторическое, чем реальное: изменения не будут сколько-нибудь значительными [6, p. 171].

Другая дискуссионная проблема – разрешение автономиям проводить референдум о возможности отделения. В последние годы 70–80% населения Каталонии постоянно заявляли о необходимости провести согласованный с властями референдум о независимости. Вместе с тем высказываются серьезные сомнения в том, что референдум, даже согласованный с правительством, является тем инструментом, который адекватно разрешит сложную каталонскую проблему. Можно согласиться со скептиками, полагающими, что победу на таком референдуме одержит незначительное и нестабильное большинство, успех которого станет необратимым и лишь расколется социум. В поляризованных обществах типа каталонского необходимы согласованные решения, поиск новой формулы существования региона в составе Испании [20]. Несомненно, поиск согласованных решений такого рода поставит многих политиков перед необходимостью серьезной психологической ломки, требующей отказа от устоявшихся представлений. Однако другого пути нет – на кону территориальная целостность страны.

В то же время даже снятие остроты каталонской проблемы вряд ли разрешит ее полностью. Не существует такого решения этого вопроса, которое удовлетворило бы подавляющее большинство каталонцев. Еще в 1932 г. великий испанский философ Ортега-и-Гассет сделал вывод, что “проблему Каталонии нельзя решить, с ней можно только сосуществовать. Это постоянная проблема, которая была всегда, еще до объединения частей Пиренейского полуострова, и которая сохранится до тех пор, пока будет Испания” [21]. Каталонская проблема останется “встроенным дестабилизатором”, “хроническим недомоганием” страны, с которым ей предстоит жить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Balcells A. *Breve historia del nacionalismo catalán*. Madrid, Alianza Editorial, 2004. 297 p.
2. López Burniol J.J. *España desde una esquina. Notas para españoles*. Madrid, La Esfera de los libros, S.L., 2008. 307 p.
3. Solé Tura J. *Catalanismo y la revolución burguesa*. Madrid, Edicusa, 1974. 296 p.
4. Alcalá C. *Claves Históricas del Independentismo Catalán*. Madrid, Grafite Ediciones, S.L., 2006. 264 p.
5. Авилова А.В., Акимов В.С., Баранова Т.Н. и др., отв. ред. Загладин В.В. *Современная Испания*. Москва, Политиздат, 1983. 383 с. [Avilova A.V., Akimov V.S., Baranova T.N. Zagladin V.V., eds. *Sovremennaya Ispaniya* [Modern Spain]. Moscow, Politizdat, 1983. 383 p.]
6. Leguina J. *Los 10 mitos del nacionalismo catalán*. Barcelona, Planeta, S.A. 224 p.
7. *Cataluña. El mito de la secesión. Desmontando las falacias del soberanismo*. Barcelona, Editorial Almuzara, S.L., 2014. 299 p.
8. Elorza A. Las vías de la autodeterminación. *El País*, 29.09.2012. Available at: https://elpais.com/elpais/2012/09/25/opinion/1348593825_234668.html (accessed 08.05.2014).
9. Seco Serrano C. España y Cataluña. *ABC*, 25.03.2006. Available at: http://www.abc.es/hemeroteca/historico-25-03-2006/abc/Opinion/espa%C3%B1a-y-catalu%C3%B1a_142878298202.html (accessed 03.04.2012).
10. Хенкин С. Партийно-политическая система Испании на перепутье. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, том 61, № 4, сс. 71-80. [Khenkin S. Partiino-politicheskaya sistema Ispanii na pereput'e [Spanish Political Party System at the Crossroads]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 4, pp. 71-80.]
11. La mayoría de catalanes es favorable a que se convoquen elecciones. *El País*, 13.11.2017. Available at: https://politica.elpais.com/politica/2017/10/28/actualidad/1509189971_913953.html (accessed 14.11.2017).
12. Borrell J., de Carreras F., Lopez Burniol J-J, Pique J. *Escucha, Cataluña Escucha, España. Cuatro voces a favor del entendimiento y contra la secesión*. Barcelona, Ediciones Peninsula, 2017. 329 p.
13. Política, diálogo y audacia. *La Vanguardia*, 28.10.2012. Available at: <http://www.lavanguardia.com/opinion/editorial/20121028/54353577431/politica-dialogo-audacia.html> (accessed 08.10.2017).
14. Las 10 consecuencias económicas de una Cataluña independiente. *Cinco Días*, 11.09.2014. Available at: https://cincodias.elpais.com/cincodias/2014/11/09/economia/1415540350_207077.html (accessed 09.10.2017).
15. Cordero D. Una miniconstitución para dos días después del 1-O. *El País*, 10.10.2017. Available: https://elpais.com/csa/2017/09/07/catalunya/1504780420_505960.html (accessed 05.11.2017).
16. *El 90.18% votó sí y la participación fue del 43%, según datos definitivos*. Available at: <http://www.eitb.eus/es/noticias/politica/detalle/5129009/resultados-definitivos-referendum-cataluna-1-octubre-2017/> (accessed 03.10.2017).
17. *Испания. Конституция и законодательные акты* (Перевод с испанского). Москва, Прогресс, 1982. 352 с. [Spain. Constitution and Legislative Acts (Translated from Spanish). Moscow, Progress. 352 p. (In Russ.)]
18. *Los separatistas proclaman en secreto la DUI*. Available at: https://www.economia digital.es/politica-y-sociedad/los-separatistas-proclaman-en-secreto-la-dui_516543_102.html (accessed 30.10.2017).
19. Resultados elecciones catalanes 2017 en Cataluña. *La Vanguardia*, 23.12.2017. Available at: <http://www.lavanguardia.com/elecciones/elecciones-catalanas-2017/> (accessed 25.12.2017).
20. Marí-Close P., Molina I. El referéndum no es la solución. *El País*, 12.01.2015. Available at: https://elpais.com/elpais/2015/12/01/opinion/1448980508_687680.html (accessed 20.01.2015).
21. Cataluña se afirma como la dolencia crónica de España. *La Vanguardia*, 02.12.2012. Available at: <http://lavanguardia.com/politica/20121202/54356029950/catal> (accessed 05.05.2014).

SEPARATISM, CATALONIAN WAY*(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 5, pp. 29-40)**Received 10.01.2018.**Sergei M. KHENKIN (sergkhenkin@mail.ru),**Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (MGIMO University), 76, Vernadskogo Prosp., Moscow 119454, Russian Federation;**Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAS), 51/21, Nakhimovskii Prosp., Moscow 117418, Russian Federation.*

The nationalist movement in Catalonia with its centuries-old history has never gone beyond demanding the expansion of the region's rights within the Spanish state. In times of the crisis, the situation changed fundamentally: the nationalist sentiments and practices developed into a strong and steadfast separatism movement. Referring to the current legislation, Spanish authorities denied the Catalan government the right to hold a referendum on independence, which it insisted on. That resulted in the legal deadlock and the most acute political crisis in the relations between the sides. After the Catalan authorities unilaterally proclaimed the independence in October 2017, Madrid introduced direct control over the autonomous region dissolving the local parliament and government. The Catalan experience points at the extreme difficulty, if not impossibility, for the part of the state to secede by means of a referendum without an agreement between the ruling regional elite and the central government, without support of the majority of the region's population and without recognition by the international community. The three points above are missing in the case of Catalan separatism. It is apparently impossible to solve or soften the Catalan crisis only by restrictive and repressive measures. The maintenance of the policy of bans and the refusal to negotiate with independence supporters may pose a risk that the Catalan conflict in its acute phase will become chronic in character, and will be perceived as unresolvable. This will result in growth of alienation, emotional enmity between Catalonia and the rest of Spain, as well as weakening of stability in the European Union. It is significant for further relations between Madrid and Barcelona to recognize the Catalan peculiarity in both financial-economic and political-cultural senses, which is inseparable from the reformation of the Spanish legislation, starting with the 1978 Constitution. Meanwhile, the country is missing broad intraparty and societal consensus necessary for solving this difficult problem. Different opinions are clashing over the question of changing the Spanish territorial model. At the same time, even the alleviation of the problem will not be able to fully solve it. There is no such solution which would satisfy the overwhelming majority of the region's population. The Catalan problem will continue to be "in-built destabilizer", Spain's chronic "malaise" it has to live with.

Keywords: Spain, Catalonia, separatism, unionism, autonomy, referendum, elections, People's Party, "Ciudadanos", Spanish Socialist Workers' Party.

*About author:**Sergei M. KHENKIN, Doctor of History, Professor, Senior Researcher.***DOI:** 10.20542/0131-2227-2018-62-5-29-40